

ТЕХ ЛЕТ НЕМОЙ УКОР...

Ветеран труда, учительница Лариса Никифоровна Захарова из города Жуковского Московской области около 30 лет была активным автором журнала НО. Она не участвовала в войне — не ходила в атаку, не видела рукопашного боя, воспоминания о котором всю жизнь преследовали поэта Юлию Друнину. Она — из тех миллионов советских людей, кто находился в тылу. Но «тыла» в этой самой кровопролитной в истории человечества войне не было. Так или иначе война входила в каждый дом, наступала каждую семью — похоронками, оккупацией, голодом, лишениями.

Как и многие её сограждане, Лариса Захарова была в оккупации, спасала раненых, переживала ужас карательных расстрелов в деревне, где жила во время войны, несколько дней находилась между жизнью и смертью: при наступлении наших войск маленькая подмосковная деревенька стала линией фронта, которую обстреливали и наши, и фашисты... А потом в семью пришли две похоронки: в боях пали смертью храбрых двое её братьев — Борис и Сергей...

Василь Быков когда-то говорил с тревогой о том, что из литературы о войне выпал огромный пласт — жизнь рядовых советских людей в тылу, во время оккупации. Этот пробел в какой-то мере стремилась восполнить Лариса Захарова: она написала о судьбе человека в те годы — не героя, а рядового, незаметного, неумелого, которого суровая школа войны быстро научила всему, что было нужно. Эту книгу Лариса Никифоровна написала о себе и назвала её коротко — «Судьба».

А ещё она издала несколько сборников стихотворений — о жизни, о нашем времени, о человеческих отношениях. Но в каждом стихотворении — её немеркнущая память о войне. В 1972 году Константин Михайлович Симонов написал ей по поводу одного из её поэтических сборников: «Дорогая Лариса Никифоровна! В Ваших стихах есть живая душа, есть настоящие людские чувства, которых так не хватает во многих архиумелых стихах».

Предлагаем вашему вниманию несколько стихотворений из сборника «Тех лет немой укор», посвящённого военному поколению, ровесникам автора.

Участникам Великой Отечественной войны

Ряды защитников страны
Так неуклонно убывают,
Осколки умершей войны
Ещё живут и убивают.
Прошли вы бури и бои,
Вы шли на подвиг, смерть и муку,
Я вам, ровесники мои,
Сейчас протягиваю руку.
Да, сердце чувствует вину,
Что не сражалась с вами рядом,
Не уходила на войну, —
Она пришла с доставкой на дом.
Фронт сам пришёл. На то война.
Я в час жестокий и суровый,
Как вы, была опалена
Огнём боёв сорок второго.
И, старая, на старых вас
Смотрю с тревогой и любовью,

Всё было общее у нас —
Сроднились временем и кровью.
Во всём едины и прямы,
В судьбе и мирной, и солдатской,
Живые подружились мы,
Как мёртвые в могиле братской.
Теперь — уходим. Потому,
Что так положено в природе.
Уходим мы по одному —
И вместе всё-таки уходим.
Но мы уйдём не без следа,
И будет то уже неплохо,
Что вместе с нами навсегда
Уйдёт военная эпоха.
И рады мы землёю стать,
Чтоб, бед не ведая на свете,
На той земле могли играть
Спокойно маленькие дети.

В Петергофе

Четыре года воевала
 Войн не желавшая страна.
 И лет с тех пор прошло немало,
 Для многих всё далёким стало,
 Поняття самые: «война»,
 «Тыл», «фронт», «сожжённая деревня»,
 Но жив тех лет немой укор:
 Под Ленинградом, в парке древнем,
 В бомбёжках ранены, деревья
 Стоят в повязках до сих пор.
 Пестрят бесщётные заплата —
 Длинные, уродливые, круглые...
 И словно требуют расплаты
 Петра видавшие когда-то
 Многострадальные стволы.
 Когда дневные смолкнут звуки,
 Скрипят и стонут в тишине
 Они, познав людские муки,
 Воздев израненные руки
 С немой проклятием войне...

Молодая память войны

Есть у женщины взрослый сын,
 Словно свет в окошке, — один.
 За всю жизнь, что она прожила,
 Только ночка счастья была.
 Но другим и понять невмочь,
 Сколько значила эта ночь!
 Был коротким любовный век,
 Рано утром ушёл человек.
 Он погиб в то утро в бою,
 Ей любовь оставив свою.
 Жизнь проснулась, не умерла,
 У неё под сердцем взошла.
 И идут по земле сыны —
 Молодая память войны.

У нас у всех — особое сознание

Пишем про цветы, любовь и верность...
 Годы мира — небывалый срок!
 Но опять встаёт незванный сорок первый
 И корёжит взрывом укрепления строк.
 И, любуясь васильковым лугом,
 Всё осколки там стараемся найти:
 Мы, как лошади, ходящие по кругу,
 В сторону никак не можем отойти.
 Да, у нас у всех — особое сознание,
 Мы огнём боёв на век опалены,
 В наших душах вновь воспоминанья
 Прорастают метастазами войны...

Помидоры

— Пропусти дедулю, слышишь, парень!
 Дед, не бойся, проходи вперёд!
 У ларька на тесном тротуаре
 Нехотя раздвинулся народ.
 Под неодобрительные взоры
 Всё же пропустили старика.
 Нервно клал он в сетку помидоры,
 И дрожала правая рука,
 Действуя и быстро, и устало,
 Ту авоську штопором крутя...
 Слева ей неловко помогала
 Жалкая нелепая култя.
 — До сих пор, видать, не передохли! —
 Вдруг раздался парня злобный крик.
 — А пора б!
 Внезапно, тихо охнув,
 Наземь опрокинулся старик.
 Словно ждал и был он наготове
 Умереть — и вовремя успел...
 Помидоры, словно сгустки крови,
 Раскатились под ноги толпе.
 На асфальте, словно на лафете,
 Дед лежал с пробитой головой.
 Вот когда она достигла цели —
Пуля, пощадившая под Ельней,
 Обернулась **словом** под Москвой...

1975–1990

**г. Жуковский
 Московской области**